

Политические репрессии и политическая наука

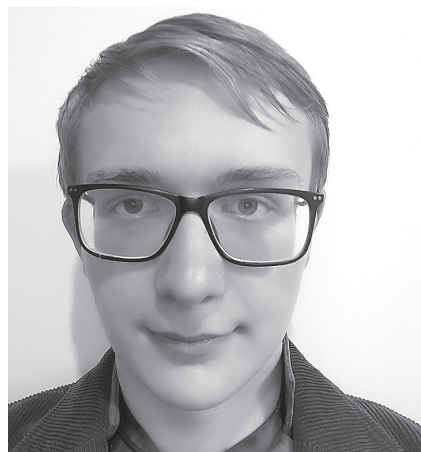
ДАНИЛА
КРАСНОВ

«Правительства всех времен – отнюдь не моралисты. Они никогда не сажали и не казнили людей за что-нибудь. Они сажали и казнили, чтобы не».

Александр Солженицын, «Архипелаг ГУЛАГ»

ВВЕДЕНИЕ

Попытки вытеснить с политического поля конкурентов предпринимаются с тех самых пор, как впервые оформились властные отношения: любая власть, как известно, заинтересована в максимизации своих компетенций и ликвидации всяких ограничителей. Соответственно, и причисление граждан, разделяющих радикальные или просто отклоняющиеся от «генеральной линии» убеждения, к разряду опасных для общества элементов тоже является весьма давней практикой. Одним из возможных маркеров, широко используемых автократами, выступает ярлык «экстремиста»¹. Недемократические режимы, желая собственной консервации на максимально возможные сроки, вообще не могут обходиться без технологий, предполагающих те или иные разновидности политических репрессий: несменяемая власть категорически не приемлет адресуемых ей призывов сделаться сменяемой – и потому в рукаве у нее всегда есть карта, на которой начертано слово «насилие». Попытки отвергающих демократию элит увековечить свое господство, выкорчевывая «экстремизм», стали предметом всестороннего анализа, предпринимаемого социологами и политологами. В выросшем из этого интереса массиве литературы анализируются самые разные аспекты подобной монополизации власти, от мягких ограничений на институциональное политическое участие, которым подвергаются «экстремисты», до их жесткого преследования за пределами правового поля.

Данила Краснов
(р. 2001) – политолог.

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕССИЯ?

Понимая под репрессиями «государственное насилие», мы с легкостью можем их идентифицировать, но, к сожалению,

¹ Подробнее см.: GURIEV S., TREISMAN D. *Informational Autocrats* // The Journal of Economic Perspectives. 2019. Vol. 33. № 4. P. 100–127.

такое определение трудно признать достаточным – в нем обходятся стороной важнейшие нюансы². Где, собственно, тот порог, после преодоления которого социальный контроль превращается в политическую репрессию? Может ли одно и то же политическое действие быть репрессивным в одном контексте и не быть репрессивным в другом? Что заставляет диктатора в какой-то момент переходить от простого «подмораживания» страны и блокирования перемен к активному подавлению акторов, их добивающихся? Получение ответов на эти вопросы облегчается в том случае, если мы будем опираться на относительно широкий, но все же вполне консенсусный подход и вслед за Дженнифер Эрл определим репрессию как «такое государственное или частное действие, которое направлено на предотвращение, взятие под контроль или иное ограничение того или иного неинституционального и коллективного действия (например какой-то разновидности протеста), включая также и его инициацию»³. Важное дополнение, впрочем, заключается в том, что порой объектом репрессии могут становиться и индивидуальные действия – наряду с коллективными.

Несменяемая власть категорически не приемлет адресуемых ей призывов сделаться сменяемой – и потому в рукаве у нее всегда есть карта, на которой начертано слово «насилие».

В зарубежных исследованиях, посвященных диапазону возможного действия, который открывается перед политическими акторами, принято различать две переменные: одной из них выступают «политические возможности», а другой – «структура политических возможностей». При этом отмечается, что в конкретных политических системах вторая переменная менее подвержена изменчивости, нежели первая. Тем не менее специалисты подчеркивают, что акторы, обращающиеся к политическим репрессиям, могут задаваться целью повлиять как на одну, так и на другую переменную⁴. Проще говоря, произвольное регулирование политических возможностей или пред-

- 2 О дефинициях репрессий см.: EARL J. *Tanks, Tear Gas and Taxes: Toward a Theory of Movement Repression // Sociological Theory*. 2003. Vol. 21. № 1. P. 44–68; OLIVER P.E. *Repression and Crime Control: Why Social Movement Scholars Should Pay Attention to Mass Incarceration as a Form of Repression // Mobilization*. 2008. Vol. 13. № 1. P. 1–24.
- 3 EARL J. *Political Repression: Iron Fists, Velvet Gloves, and Diffuse Control // Annual Review of Sociology*. 2011. Vol. 37. № 1. P. 263.
- 4 KRIESI H., KOOPMANS R., DYVENDAK J.W., GIUGNI M. *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis*. Abingdon: Routledge, 1996. P. 167–198.

установленность их структуры в «ручном режиме» – важный индикатор наличия политических репрессий. Когда структура политических возможностей, открывающихся перед гражданами конкретной страны, стабильна и неизменна, законсервирована и зацементирована, можно ожидать, что ее власти будут готовы практиковать репрессии: пресекая любой шанс на нежелательные перемены, без насилия не обойтись. Социальный протест в таких контекстах рассматривается в качестве аномалии – богатый материал для анализа того, как все это работает, в свое время предоставляла Латинская Америка⁵.

Соответственно, чем более гибкой и открытой предстает структура политических возможностей, тем более естественными в ее рамках будут считаться общественная мобилизация и, как следствие, разнообразные проявления недовольства. В демократических государствах низкий уровень репрессий естественным образом влечет за собой более высокий уровень протестной активности. Но демократии, как и диктатуры, неоднородны, а структуры политических возможностей в них могут заметно различаться: есть более стабильные, а есть менее стабильные. Проверая эту гипотезу, Кристиан Давенпорт сопоставляет непохожие друг на друга демократии, действовавшие в мире с 1976-го по 1996 год⁶. Обобщив данные по 135 странам, он делает вывод, что особенно мощным сдерживающим эффектом в отношении политических репрессий обладают конкурентные избирательные системы.

Вполне естественным следует признать то, что заметный отпечаток на «репрессивный профиль» общества накладывает степень присущей ему централизации или, напротив, децентрализации. Понятно, что рассредоточение власти снижает эффективность репрессий, инициированных центральным правительством. Полиция и военные, как известно, всегда выступают в роли агентов, реализующих волю тех политических акторов, которым они напрямую подотчетны⁷. Но в федеративных или регионализированных государствах полицейские функции нередко децентрализуются или локализуются. В подобных системах связь между запросом центральной власти на репрессии и практическим осуществлением этих репрессий непосредственно на улицах оказывается не прямой и многоступенчатой⁸. В некоторых ситуациях наличие опосредующих звеньев, контролируемых местными политическими элитами, способно

5 См., например: BROCKETT C.D. *The Structure of Political Opportunities and Peasant Mobilization in Central America* // *Comparative Politics*. 1991. Vol. 23. № 3. P. 253–274.

6 DAVENPORT C. *State Repression and Political Order* // *Annual Review of Political Science*. 2007. Vol. 10. P. 1–23.

7 PORTA D., REITER H. *Policing Protest: The Control of Mass Demonstrations in Western Democracies*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. P. 1–32.

8 Подробнее см.: EARL J., SOULE S. *Seeing Blue: A Police-Centered Explanation of Protest Policing* // *Mobilization*. 2006. Vol. 11. № 2. P. 145–164.

заметно осложнить реализацию одобренного наверху репрессивного курса⁹.

АССОРТИМЕНТ РЕПРЕССИЙ И ИХ ТИПОЛОГИЯ

Важной особенностью репрессий как методики политического контроля выступает то, что они, минимизируя или предотвращая прямые вызовы политической власти в виде протестной или активистской деятельности, имеют, как правило, точечную направленность: они адресованы отдельным личностям или группам, но почти никогда – обществу целиком. Современные политологи, рассуждающие о разнообразии репрессивного арсенала, прежде всего обособляют друг от друга «горизонтальные» и «вертикальные» репрессии: если в первом случае речь идет о репрессивном воздействии в отношении рядовых граждан, то во втором случае подразумевается репрессивное давление на представителей элит, в том числе и поддерживающих автократа¹⁰. Нет нужды говорить о том, что «горизонтальные» репрессии всегда оказываются более массовыми, хотя, возможно, отнюдь не более эффективными, несмотря на значительное число затрагиваемых ими людей. В то же время эффект, производимый попытками комбинировать «горизонтальные» и «вертикальные» репрессии, не однозначен: укрепляя устойчивость авторитарного правления в отношении одних вызовов, подобные комбинации усугубляют его уязвимость перед другими вызовами. К примеру, снижение градуса «горизонтальных» репрессий, затрагивающих обычное население, при параллельном ужесточении «вертикальных» репрессий, задевающих элиты, может снизить вероятность революции, но одновременно повышает риск путча или заговора¹¹. Наконец, наблюдатели фиксируют также и то, что на тип применяемых автократом репрессий влияют особенности национальной экономики: так, наличие высоких доходов от природных ресурсов оборачивается тем, что авторитарные режимы реже репрессируют собственные элиты и чаще обращаются к репрессиям в отношении рядовых граждан¹².

Если говорить об иных критериях классификации, то, несомненно, заслуживает внимания относительно новое выделе-

9 См.: CUNNINGHAM D. *Ambivalence and Control: State Action against the Civil Rights-Era Ku Klux Klan* // *Qualitative Sociology*. 2009. Vol. 32. № 4. P. 355–377; IRONS J. *Who Rules the Social Control of Protest? Variability in the State-Countermovement Relationship* // *Mobilization*. 2006. Vol. 11. № 2. P. 165–180.

10 См., например: BOVE V., PLATTEAU J.P., SEKERIS P.G. *Political Repression in Autocratic Regimes* // *Journal of Comparative Economics*. 2016. Vol. 45. № 2. P. 410–428.

11 Ibid.

12 См.: ACEMOGLU D., EGOROV G., SONIN K. *Dynamics and Stability of Constitutions, Coalitions, and Clubs* // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102. № 4. P. 1446–1476.

ние так называемых «оппортунистических» репрессий, характерная особенность которых состоит в том, что они возникают на фоне глобальных или внутренних кризисов – например, пандемии COVID-19¹³. Оппортунизм в данном случае означает широкую избирательность доминирующих акторов в применении репрессивных мер. Иначе говоря, аргументы, обосновывающие необходимость тех или иных ограничений, предъявляются всему обществу, но решения о том, кого конкретно в кризисных условиях репрессировать, власть, в том числе и авторитарная, принимает произвольно: сопутствующая всякому кризису неопределенность ей выгодна.

ДАНИЛА КРАСНОВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Снижение градуса «горизонтальных» репрессий, затрагивающих обычное население, при параллельном ужесточении «вертикальных» репрессий, задевающих элиты, может снизить вероятность революции, но одновременно повышает риск путча или заговора.

Несмотря на то, что к репрессиям обращаются режимы любого типа, в авторитарных государствах им присуще большее разнообразие, нежели в демократиях. Среди их практических воплощений можно найти использование пулеметов и танков против безоружных граждан, применение «эскадронов смерти» для ликвидации активистов и журналистов, помещение инакомыслящих в специальные психиатрические учреждения¹⁴ и многое другое. Разумеется, в демократических странах меню гораздо беднее; даже робкая попытка государственных органов установить регулярный надзор над объединениями, подозреваемыми в экстремизме, влечет за собой бурное общественное обсуждение, а практическое внедрение подобных мер обставляется тысячами правовых условностей¹⁵. Тем не менее вполне закономерен вопрос: всегда ли свобода рук авторитарных режимов оборачивается большей стабильностью и устойчивостью? Однозначного ответа нет, хотя статистически подтверждено нечто другое: случаи дестабилизации здесь

13 GRASSE D., PAVLIK M., MATFESS H., CURTICE T. *Opportunistic Repression: Civilian Targeting by the State in Response to COVID-19* // International Security. 2021. Vol. 46. № 2. P. 130–165.

14 См., например, классический материал на эту тему: FARAONE S. *Psychiatry and Political Repression in the Soviet Union* // American Psychologist. 1982. Vol. 37. № 10. P. 1105–1112.

15 В указанном отношении весьма показателен опыт Федеративной Республики Германии. См., например: WIEDMANN-SCHMIDT W. von. *Verfassungsschutz beobachtet AfD nun bundesweit* // Der Spiegel. 2021. 3 Mai (www.spiegel.de/politik/deutschland/rechtsextremismus-verdachtsfall-verfassungsschutz-beobachtet-afd-nun-bundesweit-a-136d80ce-4549-4a23-8174-19ad70f20643); MEISTER A., BISELLI A., REUTER M. *Wir veröffentlichen das Verfassungsschutz-Gutachten zur AfD* // Netzpolitik. 2019. 28 Januar (<https://netzpolitik.org/2019/wir-veroeffentlichen-das-verfassungsschutz-gutachten-zur-afd/>).

выливаются в гораздо более деструктивные формы – начиная с террористических атак и заканчивая государственными переворотами. Вместе с тем авторитарные режимы, как показывают сравнительные исследования, гораздо более подготовлены к подобным перегрузкам, нежели их демократические альтернативы¹⁶. Обратной же стороной такой перманентной мобилизационной готовности выступает то, что авторитарный режим, всецело ориентирующий себя на противодействие «экстремизму», иногда до такой степени ограничивает гражданские права, что, по мнению некоторых исследователей, сам превращается в «террориста с большой буквы»¹⁷.

Согласно свежим данным «Freedom House», с 2019-го по 2021 год около половины стран, ранее маркированных как «свободные», перешли в группу «частично свободных». Согласно экспертам указанной неправительственной организации, произошло это из-за ограничения политических прав и гражданских свобод, внедряемых демократическими правительствами, что, как отмечалось выше, свидетельствует о той или иной интенсивности политических репрессий. Из-за этого сдвига в конце 2021 года восемь из каждых десяти обитателей Земли жили в «частично свободных» или «несвободных» режимах¹⁸. Отмечается также продолжение циклической полосы упадка демократии, протяженность которой составляет уже шестнадцать лет. Сокращение свобод в последние годы, по мнению «Freedom House», объясняется в основном последствиями пандемии, но наряду с этим среди набирающих силу тенденций упоминаются «продвижение авторитарных норм» и «отказ от притворства конкурентных выборов». Словно подкрепляя эти выкладки, авторы другого недавнего исследования говорят о начале «третьей волны автократизации», которая характеризуется оскудением демократического лагеря из-за все более широкого применения политических репрессий по всему миру¹⁹. Вместе с тем имеющиеся на сегодня эмпирические исследования не подтверждают самоочевидного на первый взгляд предположения о том, что консолидированные автократии чаще и масштабнее обращаются к репрессиям, нежели режимы иных типов – например, гибридные²⁰. Согласно этим выкладкам, охват и градус репрессий определяются, как правило, не столько

16 См., например: SLINKO E., BILYUGA S., ZINKINA J., KOROTAYEV A. *Regime Type and Political Destabilization in Cross-National Perspective: A Re-Analysis* // Cross-Cultural Research. 2017. Vol. 51. № 1. P. 26–50.

17 СТОНЛ М. *The State as Terrorist: Insights and Implications* // Democracy and Security. 2006. Vol. 2. № 1. P. 1–25.

18 См.: РЕПУСЦИ S., СЛИПОВИЦ А. *The Global Expansion of Authoritarian Rule*. Freedom House, 2022 (<https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule>).

19 LÜHRMANN A., LINDBERG S. *A Third Wave of Autocratization Is Here: What Is New about It?* // Democratization. 2019. Vol. 26. № 7. P. 1095–1113.

20 REGAN P.M., HENDERSON E.A. *Democracy, Threats and Political Repression in Developing Countries: Are Democracies Internally Less Violent?* // Third World Quarterly. 2002. Vol. 23. № 1. P. 119–136.

природой режима, сколько глубиной и остротой тех кризисов, с которыми ему приходится сталкиваться. Соответственно, реагируя на какое-то масштабное потрясение – например, на всемирную эпидемию или иное стихийное бедствие, – диктатуры и демократии в некоторых случаях будут использовать один и тот же репрессивный инструментарий. Именно поэтому многочисленные комментаторы считают пришествие COVID-19 сильнейшим стрессом для либеральных демократий Запада²¹.

ДАНИЛА КРАСНОВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

В конце 2021 года восемь из каждых десяти обитателей Земли жили в «частично свободных» или «несвободных» режимах.

БОГАТАЯ ПРАКТИКА РЕПРЕССИЙ

Политические репрессии – старый и проверенный инструмент автократов. В Новое время их применение шло в ногу с оформлением демократической государственности, поскольку диктатура выступает таким же продуктом «массовой политики», как и демократия. С одной стороны, автократы эпохи модерна в самых разных уголках планеты использовали одни и те же базовые методики; с другой стороны, в применении универсального репрессивного арсенала они могли быть довольно изобретательными. К примеру, парагвайский «национальный лидер» Альфредо Стресснер, управлявший страной с 1954-го по 1989 год, мог десятилетиями держать арестованных оппозиционеров в камерах самых обычных полицейских участков. Отличительным маркером его режима были также ополченцы «*Pu Nandi*» (в переводе с индейского языка гуарани это означает «оборванцы»), которых привлекали к организации массовых мероприятий в поддержку диктатора, а также к расправам с его противниками²². Эти полувоенные формирования, действовавшие в основном в парагвайской глубинке, играли важную роль в импровизированной системе «сдержек и противовесов», созданной диктатором: являясь альтернативной вооруженной силой, подчиняющейся региональным боссам президентской партии «Колорадо», они ограничивали амбиции армейского командования²³. Кстати, деятельность

21 См., например: ВЕЙДНЕР Ш. *Вирус и террор: о невысказанных и пугающих сходствах между коронавирусным кризисом и «войной с террором»* // Неприкосновенный запас. 2021. № 2(136). С. 166–194.

22 Подробнее см.: GUNSON P., THOMPSON A., CHAMBERLAIN G. *The Dictionary of Contemporary Politics of South America*. Abingdon: Routledge, 1989. P. 239.

23 Подробнее см.: WICKHAM-CROWLEY T.P. *The Rise (and Sometimes Fall) of Guerrilla Governments in Latin America* // Sociological Forum. 1987. Vol. 2. P. 473–499; ИДЕМ. *Terror and Guerrilla Warfare in Latin America, 1956–1970* // Comparative Studies in Society and History. 1990. Vol. 32. № 2. P. 201–237.

подобных сельских милиций – а их можно найти не только в Латинской Америке, но также в Африке или Азии – отсылает к важной теоретической теме, затрагиваемой сегодня политологами: а именно к вопросу о том, в какой степени региональные органы, структуры, элиты способны содействовать выживанию диктаторских режимов и укреплять их²⁴.

Создание «эскадронов смерти» – а в Парагвае наряду с «Pu Nandi» действовали также «Macheteros de Santani», «Garroteros», «Grupos de Acción Anticomunista» – не было прихотью диктатуры: без таких организаций режим очень быстро лишился бы жизнеспособности. Оценивая их деятельность, надо иметь в виду, что, несмотря на безграничный диапазон практикуемого ими насилия, оно всегда имело четкую локализацию, определяемую не стихийно, а централизованно. Стремясь к тотальному контролю над обществом, диктатура не делает исключений для собственных отрядов профессиональных убийц. «Caravana de la muerte» в Чили, «Fuerzas Armadas de Regalado» в Сальвадоре, «Mano Blanca» в Гватемале, «Alianza Anticomunista Argentina» в Аргентине, «Comandos Caza Tupamaros» в Уругвае – всеми этими и другими подобными организациями в диктаторских государствах руководили представители спецслужб или вооруженных сил, выдававшие им инструкции и фактически лицензировавшие убийства²⁵. Это разумно, поскольку ликвидация оппозиционеров – слишком важное дело, чтобы доверять его стихийной инициативе.

Разумеется, применение террористических группировок не исключает иных, более «цивилизованных» способов расправы над оппозиционерами. Автократы нередко обращаются за содействием к полностью подконтрольному им национальному правосудию, которое помогает консолидировать элиты, мобилизуя их на борьбу с внутренними угрозами²⁶. Суды не только обеспечивают юридическое функционирование авторитарного поведения, но и наделяют его желанной аурой легитимности. При диктатуре, по словам Роберта Кавера, право оказывается «проекцией воображаемого будущего на реальность»²⁷, и как раз через суды автократы проецируют это воображаемое

24 DEBRE M.J. *The Dark Side of Regionalism: How Regional Organizations Help Authoritarian Regimes to Boost Survival // Democratization*. 2021. Vol. 28. № 2. P. 394–413.

25 Подробнее см.: KING J.C. *Repression, Domestic Threat, and Interactions in Argentina and Chile // Journal of Political & Military Sociology*. 1998. Vol. 26. № 2. P. 191–211; OSIEL M.J. *Constructing Subversion in Argentina's Dirty War // Representations*. 2001. Vol. 75. № 1. P. 119–158; PAGLIARINI A. *"De onde? Para onde?" The Continuity Question and the Debate over Brazil's "Civil"-Military Dictatorship // Latin American Research Review*. 2017. Vol. 52. № 5. P. 760–774; VERDUGO P. *Chile, Pinochet, and the Caravan of Death*. Coral Gables: North-South Center Press, 2001.

26 См.: SHEN-BAYN F. *Strategies of Repression: Judicial and Extrajudicial Methods of Autocratic Survival // World Politics*. 2018. Vol. 70. № 3. P. 321–357.

27 COVER R.M. *Violence and the Word // The Yale Law Journal*. 1986. Vol. 95. P. 1604 (<https://cpn-us-w2.wpmucdn.com/sites.gatech.edu/dist/c/359/files/2021/09/Violence-and-the-Word-1986.pdf>).

будущее на широкую публику. Такой вариант выглядит особенно привлекательным для устоявшихся диктатур, где правила игры можно поддерживать посредством квазиправовых норм – в отличие от диктатур молодых, где подобные нормы не имеют особого значения.

Важно отметить, что репрессии остаются лишь одним из многих инструментов, посредством которых авторитарные режимы поддерживают несправедливые правила игры между государством и гражданами. Более того, повышая эффективность методик, не связанных с насилием напрямую, репрессии можно минимизировать. Так, большую пользу автократу может принести затейливо выстраиваемая информационная асимметрия, в ходе которой элиты и общество обеспечиваются достоверной информацией на неравных условиях. Именно на этом, по мнению Дэниела Трейсмана и Сергея Гуриева, основывается новый тип авторитарного правления, называемый ими «информационной автократией»:

«Вместо того, чтобы ради повышения собственной популярности и устранения угроз грубо запугивать граждан, [автократу] гораздо удобнее манипулировать информацией – покупая молчание элиты, подвергая цензуре СМИ и активно занимаясь пропагандой»²⁸.

Иными словами, нынешние высокотехнологичные диктатуры вполне могут избегать наиболее одиозных разновидностей репрессий, не переставая при этом быть диктатурами.

Действительно, в последнее время обнаруживают себя более изощренные и новаторские методики «бархатных» репрессий, связанные с цифровыми трансформациями современного социума. По мере того, как протестующие во всем мире все шире используют цифровые технологии политической активности, автократы с нарастающей интенсивностью пытаются взять эту сферу под контроль – хотя, как свидетельствует опыт «арабской весны», получается это далеко не всегда²⁹. В этой связи исследователи пишут о том, что диктатуры – по крайней мере не самые дикие – повсеместно пытаются не отставать от цифровизации социальной жизни; в частности, некоторые из них уже начали совершенствовать системы слежки за гражданами, используя искусственный интеллект³⁰. Имеющаяся у автократий способность без лишних церемоний собирать личные данные своих подданных, а потом по своему усмотрению

28 GURIEV S., TREISMAN D. *Op. cit.* P. 123.

29 См., например, случай Марокко: LAWRENCE A. *Repression and Activism among the Arab Spring's First Movers: Evidence from Morocco's February 20th Movement* // *British Journal of Political Science*. 2017. Vol. 47. № 3. P. 699–718.

30 FELDSTEIN S. *The Road to Digital Unfreedom: How Artificial Intelligence Is Reshaping Repression* // *Journal of Democracy*. 2019. Vol. 30. № 1. P. 40–52.

применять их для построения поведенческих моделей выступает их новейшим преимуществом. Изошренность манипуляции нарастает параллельно с противодействием манипуляции. А это означает, что у специалистов, изучающих политические репрессии, стабильно будет появляться новый материал для исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новейшие исследования убедительно свидетельствуют, что политические репрессии в самых разных их разновидностях продолжают практиковаться элитами многих стран; как и в прежние времена, это делается для искажения или подавления политической воли граждан. Классификация политического насилия интересует сегодня многих ученых, которые связывают репрессивные характеристики недемократических режимов со структурой политических возможностей, выделяют «горизонтальные» и «вертикальные» репрессии, подчеркивают «оппортунистический» характер репрессивных стратегий, используемых в начале XXI века. Кроме того, специалисты уделяют внимание корреляции экономического профиля общества с типом преобладающих в нем репрессий, интересуются склонностью «информационных автократий» избегать прямого политического подавления, отмечают все более очевидное тяготение демократических государств к репрессивным приемам в условиях социальных кризисов. Зарубежные политологи все чаще говорят о начале «третьей волны автократизации», которая на наших глазах захлестывает весь мир, включая и устоявшиеся демократии.

Зарубежные политологи все чаще говорят о начале «третьей волны автократизации», которая на наших глазах захлестывает весь мир, включая и устоявшиеся демократии.

При этом смыслы современных процессов многоаспектны. С одной стороны, сегодня, как и в предшествующие тысячелетия, держатели власти всеми силами стремятся закрепить свои статусы и гарантировать извлечение ренты с подвластных территорий и граждан. С другой стороны, неустанные попытки авторитарных режимов предотвращать, контролировать или ограничивать неинституциональные коллективные действия – а именно это и было названо выше «политической репрессией» – систематически подрывают доверие между обществом

и элитами, минимизируя шансы диктатур на долговременный социально-экономический прогресс.

В конечном счете правители, приносившие развитие доверившихся им обществ в жертву жадности и прочим маниям, редко становились кумирами и героями. Проходит время, и о диктаторе, наводившем ужас на подданных либо жестокостью, либо глупостью, а то и прелестным сочетанием обоих качеств, начинают вспоминать с ненавистью. Склонность к масштабным репрессиям слабо сочетается с народной любовью, сколько бы Макиавелли и прочие почтенные умы не убеждали нас в обратном. В войнах памяти, знакомых многим государствам, пережившим мрачные периоды авторитарного правления, диктаторы, как правило, всегда проигрывают, пусть даже на это порой уходит немало времени. Это, впрочем, можно считать скорее утешением для нас, ныне живущих; в качестве предостережения тиранам будущего такое правило едва ли работает. Таким образом, о диктатурах и репрессиях будут писать еще очень и очень много – и в России ближайших десятилетий этот пласт гуманитарного знания будет скорее всего востребован.

ДАНИЛА КРАСНОВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

